

Замуж за
ЧУДОВИЩЕ

Анюта Васильева
Замуж за Чудовище

«Литнет»

2024

Васильева А.

Замуж за Чудовище / А. Васильева — «Литнет», 2024

— Я живой человек, а не вещь. — хочу сказать твёрдо, но голос предательски дрожит.— Ты, никто! Пустое место. — слова хлёсткой пощечиной обжигают лицо. — С твоим отцом, мы обо всём договорились. И раз ты сидишь передо мной, условия тобою приняты. Поэтому, будь добра, с этой самой минуты, учись быть покладистой, иначе вернёшься туда, откуда я тебя вытащил. Я думала, подобное бывает лишь в дешёвых мелодрамах! Мне грозит реальный срок, и только один человек в нашем городе, способен помочь. Вот только, не слишком ли большую цену я заплачу за свою свободу? _От неновости до любви _Жестокий герой _Сильная Героиня _ХЭ

© Васильева А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

1 Глава	5
2 Глава	10
3 Глава	12
4 Глава	14
5 Глава	17
6 Глава	19
7 Глава	21
8 Глава	23
9 Глава	26
10 Глава	28
11 Глава	31
12 Глава	34
13 Глава	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

1 Глава

— Нет, ты только подумай, а? — Катерина едва не кричит от возмущения, при этом размахивает руками, будто это как-то поможет мне проникнуться всей несправедливостью ситуации. — Она серьёзно хотела поставить мне неуд. Неуд, Дарин!

— И поставит, Кать. Это теперь дело времени. Зря ты вообще с ней сцепилась.

— Я достаточно уважительно отношусь к Мироновой, но ей действительно уже пора на пенсию! Нельзя врачам и профессорам работать так долго. У них же год за два, верно? — м-да, Катерина неисправима.

— Ещё скажи, за вредность молоко выдавать, — произношу сворачивая за угол в конце коридора.

— Я серьёзно, Дарин! Ладно бы она действительно признала, что ошиблась, так ведь нет!

В голосе подруги звенит обида, и я прекрасно понимаю её состояние, только у меня всё же своё мнение на этот счёт.

— Ага, и теперь только ты и не сдашь историю.

— Перестань канючить, Воронцова! На следующей неделе у нас уже будет новый ректор. София Павловна не посмеет намеренно валить меня на экзамене. Побойтись скандала.

— С тобою спорить бесполезно, Кать. Тем более, когда ты на взводе!

— Тут ты попала в самую точку! Только со мной в принципе спорить бесполезно.

— Могла бы и промолчать для пользы дела. Низкий балл — это ещё не конец света.

— Сказал человек, которого мама побила за этот самый «низкий балл». У тебя вон до сих пор шрам красуется.

— Он пройдёт, — я рефлекторно поправляю кофту, чуть натягивая её вниз, прикрывая поясницу. Я прекрасно понимаю, моя поясница хорошо закрыта и шрама не видно, но всё же иногда я переживаю, что кто-то может заметить.

Катя знает про него только потому, что иногда мы друг у друга ночуем.

— Вряд ли, Дарин. Он слишком широкий. Нужно было шов накладывать, — подруга произносит уже спокойно, понимая, что коснулась не той темы.

— Нет. Там просто кожа лопнула. Пройдёт!

Катя — единственная, кто знает, как мне порой влетает от родителей. Они у меня вовсе не агрессоры. Просто у нас довольно аристократическая семья. С самого раннего детства — спину держи прямо, говори вежливо, внятно. Не приведи господи, волос где торчит. В общем, много чего. Внешний вид, манеры, даже походка. Всё должно быть на самом высоком уровне!

Один из моих дедушек был известным художником. Его картины висят в центральной галерее.

Именем другого деда назван один из вузов нашего города. Моя прапрабабушка была приближена к царской семье. Вообще, есть кем гордиться, и мама с детства мне твердит о том, что нашему статусу соответствовать нужно.

— Ага, как же, пройдёт! — всё не унималась подруга, и уже порядком этим начала раздражать. Её настойчивость царапает нервы, и я едва сдерживаюсь, чтобы не рявкнуть в ответ.

— Кать, давай не будем об этом, — как же неловко-то. — Мне, кстати, домой уже нужно. Вечером Марк приедет со своими родителями.

— Ой, точно! У вас же знакомство между родителями перед помолвкой, — наконец подруга переключается на другую тему, и, кажется, даже эмоции в ней поутихли. — Слушай, я представляю, как кипишуют сейчас твои предки.

— И не говори! Вчера уборку до полуночи делали, представляешь?

— В смысле? У вас же и так вроде всегда идеальный порядок.

— А должно быть ещё чище. Такие гости придут! — театрально прикладывая руку к груди, передразниваю собственную родительницу, но в улыбке проскальзывает нервный смешок.

Мой парень, Марк. Он не просто из обеспеченной семьи. У его отца завод металлоконструкций, а у его мамы сеть салонов красоты. Причём настолько недешёвых, что даже моя мама может себе позволить полный абонемент не чаще двух раз в год.

— Вот Елене Аркадьевне делать нечего. Клининг тогда на что?

— Ты маму мою не знаешь?! — едва не фыркаю.

— Боится, что похитят ваше богатство? — насмехается подруга, шутливо толкая меня локтем в бок.

— Боится, что испортят что-нибудь! Ты же помнишь, что у нас полно антиквариата дома, а сейчас ещё повсюду развешаны картины деда.

— Блин. Точно! Ну, в этом случае её можно понять.

— Понять можно, принять нельзя! Никакого уюта теперь в гостиной. Музей какой-то и...

Не успеваю договорить — резко сворачиваю за очередной поворот, как вдруг налетаю на что-то твёрдое. Бетонная стена выросла не иначе. Дыхание перехватывает, из глаз летят искры, и переносицу щиплет. А ещё чувствую, как смялся пластиковый стакан с колой, и теперь холодная чёрная жидкость пропитывает мою белоснежную кофту, мерзким грязным облаком помечая мою грудь.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы прийти в себя и понять: это не стена вовсе, просто на меня налетел огромный бугай.

Я примерно среднего роста, но довольно худенькая, а в сравнении с этим огромным мужчиной, у которого бицепс едва ли не размером с мою голову, и вовсе кажусь букашкой.

От резкого столкновения меня отрикошетило в сторону, и я отлетела метра на полтора, не меньше, а этот детина просто прошёл мимо, попутно отряхивая, очевидно, забрызганный моей колой рукав дорогущего костюма.

— Что за невежа?! — выкрикиваю, делая шаг в сторону окна. — И ведь даже не извинился! — не унимаюсь, голос дрожит от обиды и злости, и я сжимаю кулаки, будто это как-то разрешит неприятную ситуацию.

С грохотом кладу книги на подоконник, и в этот момент чувствую, как по телу проносятся озноб.

Подняв голову, тут же встречаюсь с холодным взглядом мужчины.

Холодные потоки в один миг волнами понесли по моему телу, и я рефлекторно сжалась. Он смотрел на меня, как на пустое место. Словно я пыль под ногтями и не более.

От понимания того, что взгляд мужчины не предвещает ничего хорошего, моя спина от ледяного пота покрылась тонкой коркой льда. Мышцы сковывает липким страхом. Энергетика этого мужчины способна уничтожить. От страха сковывает мышцы, но взгляд не отвожу. Откуда-то знаю — этого делать не стоит!

— Эй, — подруга тянет на себя, и этим наконец разрывает наш зрительный контакт с «Чудовищем»!

И я сейчас, конечно, не о внешнем виде мужчины. Этот человек красив, немного грубые черты лица, но ему они, напротив, придают некий шарм. Я говорю про его чёрную душу. Не знаю, каким образом я смогла её разглядеть, или скорее даже почувствовать, но «Чудовище» громко прозвучало в моей голове. От этого мужчины нужно держаться подальше!

Очнувшись, понимаю, что все эти долгие секунды я не дышала.

— Что это было? — задаю еле слышно вопрос сама себе, голос звучит чужим, тихим, да и вообще будто из другой комнаты.

— Идём!

Катя хватает мои книги и едва не бегом направляется в сторону туалета, при этом волоча меня за собой.

— Ты чего, Воронцова? Жить надоело? — спрашивает, как только мы переступаем порог уборной.

Я прекрасно слышу Катю, но единственное, о чём думаю в этот момент, — взгляд этого мужчины! Я до сих пор физически его на себе ощущаю, будто он оставил на мне невидимый отпечаток.

— Что? Ты о чём? — я всё ещё растеряна, но кажется, всё же понемногу начинаю приходить в себя. Катя кладёт на столешницу мои книги и приоткрыв дверь, выглядывает в коридор.

Что за шпионские игры?!

— Ты что, серьёзно? Ты не понимаешь, какого мужика сейчас обозвала невежей?

— Почему? Осознаю, — отвечаю немного заторможенно. — Очень даже невоспитанный, неотёсанный мужлан. К тому же он даже не извинился! — кажется, ко мне возвращается самоконтроль, и, вроде бы, больше уже и не страшно вовсе — но пальцы всё равно подрагивают, когда я поправляю мокрые края кофты.

— Вообще-то это ты на него налетела!

— Что? Да с чего это?! Да это он... — замолкаю на полуслове. Делаю вдох, оборачиваюсь в сторону входной двери и ненадолго задерживаю взгляд на замке.

— Что, побледнела, вспомнила, кто этот человек?

— Демид Аскарков?! Ой...

— Демид Аскарков, ой! — передразнивает подруга. Если бы мы с ней не дружили столько лет, подумала бы, что издевательски, но понимаю, что у неё это нервное.

Артём, наш с Катей одноклассник, совсем недавно нам рассказывал, как этот самый Аскарков разделался со своим очередным конкурентом. У меня до сих пор мороз по коже.

— Может, это не он?

— Точно он! И ты даже знаешь, кому Демид нёс цветы.

— Он кому-то нёс цветы? — от осознания того, что я столкнулась с самым опасным человеком, который весь наш город держит в страхе, у меня кожа мурашками покрылась.

Слухи про него ходят разные, и положительных среди них нет.

— Нашей Альбине он нёс цветы! — она кивает в сторону коридора, и мы уже синхронно выглядываем из-за двери. — Она была его преподавателем, и он ей очень обязан.

— Чем?

— Не знаю. Кто что сочиняет, но то, что Аскарков безгранично уважает эту женщину, — факт!

— Что её уважает, я знаю! — говорю практически дрожащим голосом, наблюдая, как этот невежа и грубиян довольно-таки галантно общается с нашим преподавателем.

Аскарков не только крутой бизнесмен, владеющий заводами, домами и пароходами. Он известен как криминальный авторитет, и про него действительно ходят такие слухи, что мороз по коже.

Только рядом с этой пожилой женщиной Демид не выглядит монстром. Напротив, кажется вполне себе воспитанным, серьёзным человеком.

— Так, ладно! Будем надеяться, что он тебя не запомнил! — Катя толкает меня обратно, сама начинает протирать салфеткой мою кофту, будто от этого есть какой-то толк. Движения у неё резкие, нервные, и я вижу, что она сама едва сдерживает дрожь. — Я сейчас тихонечко выйду, посмотрю, может, они в кабинет Альбины зашли. Если это так, то быстро рвём когти отсюда!

Я не помню, чтобы когда-то чего-то так сильно боялась. В голову то и дело лезли воспоминания о человеке, который в прямом смысле снёс меня с ног. Перед глазами снова всплывает его ледяной взгляд, и я невольно вздрагиваю, обхватывая себя руками, пытаюсь согреться.

— ...Дарина? Ты где витаешь, я тебя спрашиваю?

— А? Да нигде, мам. Тут я.

— Разговаривай цивилизованно и членораздельно! — строжится родительница, вытаскивая пирог из духовки. — Что за «а»? Что конкретно обозначает слово «тут»?

— Мам, пожалуйста. Я нервничаю перед ужином не меньше тебя. Зачем ты мне портишь нервы?

Я до сих пор нарезаю салаты, хотя должна уже переодеваться к приходу гостей. Мама приготовления к знакомству с будущими сватами начала с самого утра и всё равно не успевает. От этого злится и на мне срывается.

— Я смотрю, под влиянием будущих родственников ты взрослая стала! — ну всё, сейчас будет скандал! — Не с того начинаешь, дочка. Ты Марка до ЗАГСа сначала доведи, потом уже рот открывай.

— Мама, я абсолютно ничего не сказала. Просто...

— Опять матери перечишь, дочка? — папа приходит на кухню как нельзя вовремя.

На самом деле он только делает вид, что на стороне мамы. В подобных вопросах он чаще всего за меня. Вот и сейчас, подмигнув мне украдкой, едва заметно кивнув, показывает мне свести конфликт к минимуму одним единственным способом.

— Мама, прости!

Только я не знаю, за что прошу прощения.

И так у нас в девяноста пяти процентах случаев. Да, бывает, что я действительно случайно могу использовать какой-либо жаргон. Хотя это для мамы — жаргон. Я же называю это молодёжный сленг!

И вот, рассказывая о каком-либо происшествии, не дай бог употребить слово «типа» или «круто», максимум «класс» можно сказать, и то мама посмотрит на подобное с укором.

Родительница ничего не ответила на мои извинения, но и, слава богам, продолжать конфликт не стала.

Наконец к ужину всё было готово, и я помчалась в душ.

Лёгкий макияж, исключительно для того, чтобы немного подчеркнуть глаза. Мама отправит умываться, если я вдруг переборщу.

Внешность у меня достаточно притягательная, и у парней я вызывать интерес начала ещё в школьные годы. В институте это стало ещё куда более заметным, и Марк, устав отбивать от меня поклонников, просто сделал мне предложение.

Звонок в дверь, и меня накрывает волнение. Ладони становятся влажными, а сердце стучит так громко, что, кажется, его слышат все в квартире.

— Так, дыши, Дарина, — начинаю вслух успокаивать себя. — Ты уже знакома с родителями своего жениха, нужно просто пережить этот вечер светских бесед, и всё.

— Дарина, дочка, иди встречай гостей! — мама уже включилась в роль аристократки.

— Иду, мам.

Торможу на секунду перед дверью, делаю вдох, резкий выдох и открываю двери.

Увидев Марка, широко улыбаюсь ему, вот только всего миг, и от моей улыбки уже ни следа не остаётся.

Марк смотрит совершенно непонятным мне взглядом. Он будто растерян. Рядом с ним Каролина Родионовна с каменным лицом. Не отстаёт от женщины и её супруг. Но больше всего меня поразили двое соседей с четвёртого этажа и полицейские в форме. Тоже двое!

— Воронцова Дарина Михайловна? — задаёт вопрос один из сотрудников.

— Да, это я! — ком застревает в горле, и я неосознанно делаю шаг назад. — Я прошу прощения, а что собст...

— Вы подозреваетесь в хищении ювелирных изделий стоимостью на общую сумму двенадцать миллионов рублей. У нас ордер на обыск вашего жилища, разрешите, мы пройдем...

2 Глава

Мир пошатнулся, и всё перевернулось с ног на голову. Шум в ушах заглушал биение собственного сердца, а перед глазами всё плыло, будто реальность рассыпалась на осколки.

— Каролина Родионовна, — мой голос предательски дрогнул, в нём слышалась не просто обида, а нечто большее, — я не брала у вас ничего.

По большому счёту мне было плевать на то, как смотрели на меня Пётр Петрович с супругой, но Марк!

Если изначально мой парень не верил — отводил в сторону взгляд, очевидно, потому, что его родители были уверены в том, что я обокрала их, а он, в свою очередь, мне доверял, — то после того, как в подкладке *моей* сумочки нашли один из самых дорогих браслетов, стоимость которого превышает стоимость нового авто, Марк поднял на меня взгляд, полный разочарования. В этом взгляде не было ни злости, ни ярости — только холодная, выжигающая душу пустота, от которой внутри всё сжималось.

Но я никогда в жизни чужого не брала!

— Вы же при мне положили браслет в бархатную коробочку, Каролина Родионовна! — стирая с щёк ручейки предательских слёз, я почти кричала, цеплялась за каждую деталь, будто это как-то могло меня спасти. — А затем вы лично убрали её в общую шкатулку, которую закрыли на замок. Мы же вместе уходили, и я шла впереди вас.

Это чистая правда. Два дня назад я была в гостях у Марка дома, и мама моего парня показывала мне свои украшения. Да я в комнату эту входить боялась, не то что что-то там руками трогать, а тем более красть!

— Ах ты, дрянь какая! Вы посмотрите на неё только. У неё нашли браслет, который моей прабабушке подарила сама императрица...

— Но я же с вами выходила! — не унималась я, зная свою правоту. Скорее рефлекторно сжимала кулаки так, что ногти впивались в ладони — эта боль хоть немного отвлекала от той, что разрывала грудь.

— Ты в туалет отходила! — говорит Пётр Петрович, отец Марка.

— И что? Я у вас пробыла с трёх до восьми вечера. Да меня от силы не было...

— Марк? — договорить мне не дают. — Не ты ли мне говорил, что это девушка хоть и из бедной семьи, но очень воспитанная! — Из какой я семьи? — Не ты ли меня упрашивал принять её?

— Мам, я не знал!

Этот щенячий взгляд... Это вообще мой парень?

— Она впечатление производила порядочной девушки! — слова парня на куски разрывали моё сердце. — Мы же год почти встречались, и я ни разу не замечал в ней... — Минаев резко замолчал и впился в меня уничижительным взглядом. — Гнили, мам, не замечал.

— Марк, ты серьёзно?! — на эмоциях я спросила чуть громче, чем следовало, голос сорвался на хриплый, дрожащий крик, и в этот миг мне стало всё равно, кто и что обо мне подумает — главное, чтобы он меня услышал.

— Доченька, как же так? — мама была настолько растеряна, что едва улавливала связь с реальностью. Папа с посеревшим лицом подал ей воды. На меня не смотрел.

Дальше всё как в тумане. У меня кружилась голова, не хватало воздуха. Мама хваталась за сердце, дёргала меня за руку, спрашивала, за что я так опозорила их с отцом? И это было куда больнее, чем осуждающие взгляды соседей, которые с самого рождения меня знали, и перешёптывания родителей Марка между собой, да и взгляд самого Марка, впрочем!

Составив протокол, прямо в гостиной отчего дома с меня сняли отпечатки пальцев. Холодные пальцы криминалиста казались мне ледяными тисками, а каждое движение — ещё одним гвоздём в крышку моего прежнего мира.

Внучка академика и талантливого художника. Воспитанная девочка, с отличием закончившая школу, поступившая без каких-либо усилий на бюджет. Не то что родители, я сама собой гордилась!

По-настоящему гордилась тем, что вместо прогулок с подружками, дискотек и вечеринок я выбирала учёбу. Книги — мой отдых! Я жила в захватывающих боевиках, классических романах, фантастических приключениях.

Я жила там, являлась главной героиней каждого из рассказов, которые когда-либо читала. Я переживала за героев, их боль и страдания пропускала через себя, но никогда не чувствовала себя так паршиво! Стоя посреди родного дома, я ощущаю себя чужой, словно меня сейчас стирали из собственной жизни.

Последняя фраза, которую мама бросила мне, перед тем как меня, скованную наручниками, позорно посадили в машину полицейских: «Бесстыдница, ты мне больше не дочь!»

Меня словно кипятком ошпарило. Содрогнувшись, я во все глаза уставилась на маму.

Значит, она мне не поверила!

Отец! Его каменное лицо, скорбное, не верящее. Я очень надеюсь, что хотя бы он всё так же останется на моей стороне. Но папа, папа тогда ничего не говорил. Смотрел на меня и стоял неподвижно, даже не моргал.

3 Глава

Всю ночь меня мучил следователь. В тесной, душной комнате запах дешёвого кофе и сигаретного дыма въедался в кожу, а тусклая лампа над головой будто специально слепила, не давая ни секунды передышки.

— Последний раз спрашиваю, где остальное?! — мужчина кричал так громко, что у меня болела уже не только голова, но и сами уши. — Я что, всю ночь должен с тобой тут сидеть?! Сейчас в обезьяннике тебя закрою, глядишь, поговорчивее станешь!

— Я ничего не брала, — в тысячный раз повторяю. — И вообще, я имею право на адвоката, — что я уже только не говорила. Как только не объяснялась. Впрочем, никто и не пытался узнать у меня, как всё было на самом деле. Даже в кино преступнику дают шанс рассказать свою версию событий. Сейчас же, как только я начинаю оправдываться, мне тут же закрывают рот и бесконечно спрашивают одно и то же: «Куда ты дела остальные украшения?»

— Я не брала, — я уже и кричала, и плакала, да и вообще много эмоций сменилось. Сейчас уже голос мой звучит монотонно, ровно.

— Сопли подбери, тварина! — а я и не плачу. Эмоции в самом деле уже сменились апатией, и я в данный момент какая-то отстраненная.

Чувство беспомощности, но в то же время моментами от натуги следователя хочется рассмеяться. Наверное, так сходят с ума!

Мне ведь говорили девчонки из группы. Предупреждали, мол, я рано радуюсь. Никогда семья Марка меня не примет. Я для них неподходящая кандидатура.

Катя, которая всегда была за меня горой, успокаивала, говорила о том, что они завидуют мне.

Марк, голубоглазый блондин, профессионально занимающийся спортом. Невероятно красив и харизматичен, и я не слепая, видела, как на него смотрели девчонки, в том числе и из моей группы.

Я была согласна с Катей и уже очень скоро прекратила обращать внимание на подобные заявления.

Я всерьёз думала, что родители Марка приняли меня. Они так любезны со мной были.

У нас семья, может, и не слишком богата, но и мы себе позволить можем многое. И в отпуск за границу, и машины себе папа меняет не слишком редко. Но я думала, что Минаевы как минимум уважают меня и мою семью за наше происхождение.

Идиотка! Это же мама в голову мне всё это вбила, не я!

Чья-то там внучка и правнучка — серьёзно?!

Сейчас мне действительно самой смешно от этого.

Нашла чем гордиться — дура! Плевать они хотели на наших предков.

Это всё мама!

Почему-то я сейчас на неё так сильно злюсь.

Сколько раз распиналась она передо мной. Говорила, какая она у нас дворянка, а сама пользоваться столовым ножом толком до сих пор не умеет.

До острой боли прикусывая кончик языка, мысленно даю себе оплеуху. Я злюсь на маму, и на папу злюсь. Ничего поделать не могу, внутри всё огнём от боли горит, потому что они мне не поверили! Все эти мысли царапают изнутри, больно очень.

Первое слушание состоялось уже на вторые сутки. Меня официально взяли под стражу, и грозит мне максимальный срок — десять лет колонии! Адвокат, которого мне предоставили, вообще ничего не предпринимал для моей защиты. Зато Ирина Даниловна, мама Кати, как за родную вступилась за меня.

Её как свидетеля вызвали, и она едва ли не кричала о том, что девочка я хорошая и чужого не возьму никогда. Её голос то звенел в зале суда, то вибрировал от напряжения, и я, сидя за решёткой, глотая слёзы смотрела на неё с такой надеждой, будто её уверенность была способна достучаться до судьи.

Стоит отметить, что у родителей Кати, которая в зале заседания единственная, глядя на меня с дикой тоской, сопли на кулак наматывала, тоже свой бизнес и люди они не бедные. Сколько раз мы с Катериной примеряли дорогие наряды тёти Иры, и сколько раз украшения её надевали. Она об этом и говорила. Никогда ни одной даже самой мелкой безделушки из их дома не пропадало. Кстати говоря, они были удивлены, что мои родители адвоката хорошего мне не наняли. Об этом уже после позаботился папа Кати.

Только вот и он сделать ничего не смог. Даже то, что на браслете не было обнаружено вообще никаких отпечатков, повторный суд, который состоялся уже через две недели, во внимание не принял. Судья скользнул по этому факту взглядом, будто речь шла о чём-то незначительном, и у меня внутри всё оборвалось — я поняла, что факты здесь ничего не значат.

Родители ко мне не приходили. Спасибо, хоть вещи передали.

Третий, решающий суд, состоится уже на этой неделе, и после я отправлюсь в самую настоящую колонию, если, конечно, не произойдёт какое-нибудь чудо.

4 Глава

В камере я была не одна. Ещё три женщины, возрастом примерно от сорока до пятидесяти лет. Было видно: дамы уже не впервые оказались вне свободы. Вели они себя соответственно, но меня не трогали. Никто из них не задавал никаких вопросов, и вообще они игнорировали меня, словно я и не существовала. Время тянулось мучительно медленно, и их равнодушные взгляды будто подчёркивали: я здесь чужая, лишняя, случайная. Но и в какой-то степени эти мысли меня и успокаивали, давали призрачную надежду, в которую я с каждым днём верила всё меньше...

Я, лёжа на жёсткой шконке, была полностью поглощена собственными мыслями. Да, впрочем, мыслей тех было не так много.

Первая и главная: кто, а главное, зачем подбросил мне это чёртово украшение? Я прокручивала в голове каждый миг того вечера, цепляясь за детали, как за соломинку, но всё равно наткнулась на пустоту — никакого ответа.

А ещё я думала про Марка! Перед глазами — его искривлённое ухмылкой лицо. Когда меня увозили, он именно ухмылялся. Только я тогда этого не заметила. Вспоминая происшедшее, я вдруг так явно осознала это.

Сейчас мне уже казалось, будто бы Марк в глубине души от меня чего-то такого и ждал. Цветы, подарки, прогулки. Серенада под окном в день моего совершеннолетия — дешёвый театр, не более!

С меня словно розовые очки слетели. Марк, он ведь не только на меня смотрел. Обнимая, Минаев мог кокетничать с другими девушками, а я, наивная идиотка, всерьёз думала, что это всё ерунда. Он же меня выбрал, и именно мне он сделал предложение. Горькая правда царапала изнутри, и я кусала губы, чтобы не закричать от этой обиды, которая накатывала волнами.

— Воронцова! — вздрагиваю всем телом, и только сейчас понимаю, что всё это время сидела, обняв колени руками, невидящим взором упираясь в обшарпанные стены.

— Воронцова, оглохла? — женщина-конвоир. Она единственная добрая здесь женщина. Правда, вся её доброта в том, что она дала мне мелкую расчёску с поломанными зубчиками, чтобы я смогла хоть немного привести в порядок волосы.

Мои локоны длиной почти до попы и сильно завиваются крупными кольцами, особенно к кончикам.

Почему-то мама забыла передать мне массажную расчёску, хотя я в списке её указывала. Я понимала, мама просто могла от волнения и переживаний забыть, проглядеть, но в глубине души я в это не верила. Мама слишком щепетильна в этих моментах, а тут... Может наказать меня этим хотела?

— Я тут! — торопливо отозвалась я.

— Ну, а куда бы ты делась? Давай на выход. К тебе пришли.

— Что? — не знаю откуда только силы взялись. Я подскочила на ноги и едва ли не бегом помчалась к выходу.

— Стоять! Руки за спину.

Задать вопрос, кто именно пришёл, у меня духу так и не хватило.

Может, Марк? Он сейчас скажет, что произошла ошибка и... и... — И что? Как же этот чёртов браслет оказался в моей сумке?

Громкий щелчок замка, и передо мной открывается очередная массивная дверь.

Меня пропускают вперёд, я делаю шаг, и дверь за моей спиной тут же закрывается.

В комнате горит тусклый свет. Лампочка «Ильича» висит слишком низко, и я, пока что не вижу человека, который решил навестить меня.

Сердце в груди колотится слишком сильно, буквально до физической боли прошибает.

Я так давно не видела никого из близких...

Делаю шаг вперёд, замираю, и ещё шаг.

Снова замираю на месте, всего на пару мгновений, но уже не от волнения, а совершенно по другой причине.

Глаза обжигают слёзы, и я бросаюсь к самому дорогому для меня человеку.

Крепкие объятия, в которых хочется раствориться. Вдыхаю запах до боли родного парфюма. Так вкусно пахнет только мой папочка.

В груди всё сжимается, когда слышу приглушённый всхлип.

— Папа... — голос срывается, и я вцепляюсь в его пиджак, будто если отпущу — всё окончательно рухнет.

— У нас не слишком много времени, доченька, — внутри всё трепещет. Никогда не думала, что когда-нибудь буду настолько счастлива услышать от папы «доченька» с прежней теплотой в голосе.

— Почему ты так долго не приходил? — этот вопрос так же мучил меня всё время, проведённое в этом месте. — Как мама?

— Дарина, я сбился с ног! — игнорирует родитель мои вопросы. — Никто не хочет браться за твоё дело. Все в голос твердят: безнадежное!

— Папа, я не делала этого! Я клянусь.

— Я верю, Дарина. Верю! — папа попытался улыбнуться, и у него вроде бы это даже получилось, вот только почему-то взгляд он всё же отвёл. Это короткое движение обожгло хуже пощёчины. В нём было столько невысказанного, столько бессилия, что мне захотелось закричать.

— Ты мне не веришь... — сказала очень тихо. Папа не услышал или же не захотел слышать, просто промолчал.

— Я стольким людям позвонил. Весь город поставил на ноги, и никто, дочка, никто не соглашается, — я даже дышать перестала. Вопросы есть, но перебивать папу совсем не хочется. — Пётр — важный человек в городе, и в последнее время он ещё круче развернулся. В общем, никто не хочет портить с ним отношения.

— Что значит «никто не хочет портить отношения»? Существует же закон! Так разве бывает, чтобы адвокаты отказывались защищать?

— У кого деньги, у того и власть! Минаев стал в принципиальную стойку в этом вопросе. У него, как ты знаешь, связи есть даже в парламенте. В общем, все правозащитники, которые в той или иной степени если не помочь, то хотя бы срок тебе смягчить способны, все предупреждены о последствиях. Последнее мне по секрету мой знакомый юрист подсказал! — папа старательно отводит взгляд, и мне это не нравится.

— Что случилось, папа?

— Решение нашлось.

— Что? Как? — папин голос не был весёлым, и его взгляд не нравился мне. Но меня сейчас совершенно другое волнует. — Решение — это адвокат хороший или... — замолкаю. Сглазить боюсь!

— Богданов ко мне приходил вчера утром.

— Катин папа? — родитель кивнул, сложив перед собой руки; он явно собирался с духом.

— Он посоветовал мне обратиться к... — я сейчас точно с ума сойду. Папа из себя слова выдавливал. — К Аскарову, дочка! — сердце пропускает удар.

Повисает пауза. Я пытаюсь осознать услышанное, и когда догадки заполняют моё сознание, у меня начинают дрожать руки. Пальцы становятся ледяными, и я сжимаю их в кулаки, пытаюсь удержать себя в реальности.

— Раз ты здесь, значит, он согласился помочь? — папа снова сдержанно кивает. — И что же он хочет взамен? — У Демида Аскарова есть всё: власть, деньги, связи. Чем же мы сможем отплатить этому человеку?

— Он хочет забрать у нас самое дорогое.

— Пап. Картины деда, да? Мама так гордится ими... — папа усмехнулся в свою густую бороду.

— Глупышка. Если бы ему нужны были картины, то мы бы ему отдали их, не задумываясь.

— Тогда что?

— Ему нужна ты, дочка. — Эти слова повисают в воздухе, и я чувствую, как земля уходит из-под ног.

5 Глава

— Пап! Что ты такое говоришь? Что значит — ему я нужна? — внутри всё сжалось, голова пошла кругом, и я даже ущипнула себя, чтобы убедиться в том, что не сплю — но боль лишь подтвердила: это реальность, жуткая и беспощадная.

— Ему нужна жена. Красивая, воспитанная. Супруга, которая будет сопровождать его на важных мероприятиях, а в остальное время сидеть тихо, как мышка, и не высовываться.

— Как это? — в груди всё стянуло тугим узлом, и слова давались с огромным трудом. Но мне действительно не совсем ясно.

— Аскарлов не планирует менять образ жизни, но для его статуса... Вообще Демиду необходима законная жена. Брак, можно сказать, договорной. Его статус слишком высокий и не позволяет пользоваться даже самым элитным эскортом.

— Пусть нормальную найдёт! — произношу очевидную вещь. — Почему я?

— Потому что я предложил ему тебя!

Мой внутренний мир пошёл уродливыми трещинами. От шока я замерла и дышать перестала. Время будто остановилось, и в этой звенящей тишине каждый удар сердца звучал как молот, разбивающий остатки моего спокойствия.

— Папа, но он ведь чудовище! — произношу после паузы. Сама не понимаю, почему из глаз начинают течь слёзы. Внутренне, как мне кажется, во мне совсем никаких эмоций нет. Сплошная апатия.

— Знаю. Только он единственный, кто согласился помочь и назвал свою цену!

— Эта цена слишком высокая! — я словно рассыпаюсь на миллионы осколков, понимая, что нет другого выхода.

— Он обещает не только замять дело, но и сделает так, что про эту историю все быстро забудут. И он сдержит слово! У его близких должна быть безупречная репутация.

— Говорят, он убил свою первую жену! — теперь я игнорирую слова папы. Мой голос совершенно бесцветный, поверить не могу, что родной отец решил отдать меня такому чудовищу, как Аскарлов.

— Не жену, невесту! — усмехаюсь, будто разница какая-то есть. — И это только слухи. Никем не подтверждённые.

— На чём-то же они основаны.

— На слухах и основаны! — папа сцепляет руки в замок, локти ставит на стол и смотрит на меня таким взглядом, что сердце готово разорваться на куски. — Доченька, я клянусь, если бы не безвыходная ситуация...

— Как Демид собирается людям рот закрыть?

— Уже закрыл!

— Что? — от услышанного я вздрогнула. — Как это?

— Не знаю, но сегодня утром мне позвонил ректор из твоего института и спросил, как долго ты ещё болеть будешь и явишься ли к сессии, — шокировано смотрю на отца, моргаю несколько раз подряд, будто это поможет перемотать время назад и снова услышать то что папа только что произнёс. — Я растерялся сначала, но потом вспомнил о словах Демида. Он сказал: «Первым делом нужно закрыть рты стервятникам». Я беседовал с ним за полночь, и утром уже даже соседи стали, как и прежде, здороваться.

— И как же он этого добился?

— Понятия не имею, Дарин. Да оно и не важно! Главное, чтобы ты на свободу вышла.

Как же мне непросто! Сменить одну клетку на другую, пусть даже на более комфортную. Я почему-то не уверена, что идея хорошая. Отсюда есть шанс выйти. Пусть даже через много лет. А будет ли у меня возможность освободиться от Аскарлова?

Вряд ли! Эта мысль холодит кровь, и я обхватываю себя руками, будто могу удержать внутри то, что вот-вот вырвется наружу — панику, ужас, отрицание.

— Какие ещё условия у него будут?

— Главное я тебе озвучил. Решение за тобой. Если ты принимаешь эти условия, то уже вечером выйдешь отсюда.

— Но должен же быть выход! — не сдаюсь я.

— Суд назначен на завтра.

— Как на завтра? — так скоро. Я не могу поверить, что это происходит со мной.

— Минаев давит на следствие. С тобой должен поговорить следователь. Если ты скажешь, куда дела остальные украшения и сдашь сообщников, то...

— Папа, перестань! Я ни в чём не виновата. Почему ты не веришь мне?

От отчаянья хочется плакать, но строгий голос отца и его последующие слова лишь в очередной раз повергают меня в шок.

— Потому что есть запись с камер, Дарина, — папа сказал это тихо, уставшим, и очень сильным голосом, а у меня земля разверзлась под ногами...

6 Глава

Это всё неправда. Не по-настоящему это всё!

Папа сказал, что на камере видеонаблюдения хорошо видно, как я вхожу в комнату. Быстро вскрываю сейф. Код, по версии следствия, я запомнила, когда Каролина Родионовна вводила его, чтобы показать мне украшения.

Ну а как иначе?!

Папе я ничего больше говорить не стала. Оправдываться, объяснять ничего и никому больше не буду. Хотят — пусть верят, в конце концов, это их право. Внутри всё окаменело, и даже слова теперь давались с трудом — будто каждое из них стоило мне кусочка души.

— Я принимаю условия, — застрявший колющий ком раздирает горло. Я изо всех сил стараюсь, чтобы мой голос звучал ровно, даже холодно, и, кажется, это у меня получается. Только пальцы предательски дрожат, и я убираю руки под стол, чтобы папа не видел.

— Но ты должна понимать, что если ты не будешь делать то, что говорит Демид, тут же вернёшься обратно в эти стены.

— Не вернусь! Я выйду за него замуж.

— Хорошо, дочка, тогда я сейчас же свяжусь с ним и скажу, что ты согласна.

Не было никакого согласия, просто выбора другого нет! Я больше не могу тут оставаться. Эти стены, запах. Туалет, который я вынуждена делить с совершенно посторонними мне людьми, да и боюсь я этих женщин! Бессонные ночи вымотали меня. В голову лезут всякие дурные мысли, хотя и понимаю: раз уж я попала в такую ситуацию, почему другие не могут?

Это был самый длинный день из всех, что я провела в этом месте. Тяжёлый засов щёлкнул в 23:27 — я каждую минуту считала. Цифры на часах тянулись мучительно медленно, и каждый тик отдавался в висках, словно отсчитывая последние мгновения моей прежней жизни.

— Воронцова. С вещами на выход! — сердце замерло и, казалось, не билось ровно до того момента, пока я не вышла за калитку. Я сделала первый шаг за территорию сизо и в напряжении сильно зажмурилась. Было так страшно, что сейчас конвоир рассмеётся и скажет, что это была шутка и поволокёт меня обратно.

Меня встречал вовсе не папа. И даже не Аскарлов.

За мной приехал самый обычный седан серого цвета, окна полностью тонированы, и протектор колёс слишком широкий. Не знаю, почему я обратила на это внимание, может, потому, что смотрелся автомобиль с такими колёсами как-то необычно. Детали вдруг стали невыносимо яркими: каждая царапина на кузове, каждый отблеск тусклого фонаря — я цеплялась за них, чтобы не думать о том, куда меня везут и что теперь со мной будет.

Мужчина среднего роста, лет сорока, гладко выбритый, с крупной родинкой на щеке, забрал из моих рук сумку и небрежно бросил её в багажник, а после открыл для меня заднюю дверь автомобиля, после чего сразу же пошёл садиться за руль.

На улице промозглый ветер, но холода я не чувствую, хотя на мне обычная тонкая кофта с нелепым принтом.

Тяжёлые свинцовые тучи, нависшие над грунтовой дорогой, по которой мы ехали со скоростью не более сорока километров в час, зеркально отражали моё настроение. Наверное, ещё два месяца назад, до того, как со мной произошёл весь этот кошмар, я бы лила слёзы, осознавая, что должна выйти замуж за человека, который способен тебя уничтожить просто потому, что у него плохое настроение.

Сейчас же во мне что-то сломалось. Я не уверена, что смогу впредь доверять людям. Не уверена, что смогу и дальше учить философию. Что-то как-то мудрости народные совершенно не вяжутся у меня с происходящим.

Погрузившись в сумбурные размышления, я смотрела в окно. Начался мелкий дождь, и я с безразличием наблюдала за струящимися по стеклу ручейками. Чувства опустошения, одиночества, тоски. Ненавижу осень!

Серая, мокрая, холодная и одинокая. Такая же, как и я...

Интересно, почему я решила, что меня везут прямиком на встречу к Аскаркову? Я думала, что вот-вот окажусь в лапах чудовища и была рада тому, что ехали мы не слишком быстро. Как бы то ни было, но всё же мне хотелось оттянуть этот момент. Каждая лишняя минута казалась маленьким подарком, крошечной отсрочкой перед тем, как моя жизнь окончательно перестанет принадлежать мне.

Машина затормозила у мотеля в два этажа. Особого приглашения мне было не нужно. Я сама вышла из машины.

Водитель сразу же направился к багажнику и, вытащив мою сумку, он двинулся... Нет, не в сторону входа. Мужчина понёс мои вещи к мусорным бакам и без каких-либо колебаний просто зашвырнул сумку туда.

— Что вы делаете?! — в секундном порыве я ринулась к переполненному контейнеру, но мужчина остановил меня коротким касанием за локоть. Сделал он это как-то мимолётно, словно боялся меня касаться или же брезговал, что вероятнее всего. Но всё же мне удалось почувствовать холод и твёрдость его руки. Резкое отторжение поднялось откуда-то из глубины. Я не хочу, чтобы этот человек меня касался. Даже таким едва ощутимым движением.

— В номере у вас будет во что переодеться. Не волнуйтесь! Старые вещи вам больше не понадобятся.

— Они не старые! — мужчина полностью игнорирует мои слова и молча идёт к зданию.

Не думаю, что данное действие является собственной инициативой мужчины. Он работает на Аскаркова, а значит, именно он приказал выбросить мои вещи. Эта мысль кольнула где-то под рёбрами. Я ещё не стала его женой, а он уже мной распоряжается.

— У вас час времени на то, чтобы полностью привести себя в порядок! — сообщил мужчина и тут же удалился, протянув мне ключ от семнадцатой комнаты.

Поднявшись на второй этаж, нахожу нужную мне дверь. Самая обычная, деревянная, с довольно хлипким замком. Вставляю ключ, делаю два оборота.

Стандартный номер. Кровать-полуторка застелена чистым белоснежным бельём. Тумба, на ней телевизор. Угловой шкаф и стол. На столе стоит несколько пакетов. Заглядываю в каждый, нахожу туалетные принадлежности, нижнее бельё, джинсы, пуловер и очень мягкое на ощупь белоснежное пальто. На полу две коробки, очевидно, в них обувь, но пока что не заглядываю туда.

Прихватив с собой пакет с шампунями и кондиционерами, иду в тамбур. Две двери: туалет и ванная комната.

Несмотря на то, что мне было велено за час привести себя в порядок, я стою под тугими горячими струями в комфортной душевой кабине не меньше сорока минут. Ещё десять минут у меня уходит на то, чтобы как следует высушить волосы. Я успела надеть только нижнее бельё, когда в дверь постучали. Это точно не тот мужчина, что привёз меня сюда. Он пару минут назад куда-то уехал. Я видела в окно.

На то, чтобы одеться, времени нет. Я снова набрасываю на себя халат, иду к двери. Сердце тревожно бьётся от осознания того, что я одна нахожусь в совершенно незнакомом мне месте. Ладони стали влажными, и я несколько раз вытерла их о халат. Приличные девушки так не делают, но пошло всё к чёрту...

7 Глава

На пороге стояла пожилая женщина лет пятидесяти. Выразительные скулы, тонкие губы и острый, чуть длинноватый нос. Если бы у неё в руках был не чемоданчик, а чёрная сумочка с крысой, то она практически ничем бы не отличалась от Шапокляк.

— Добрый вечер! Меня прислали осмотреть вас.

— Что, простите?

— Я врач, и я...

— Ах, ну да, — усмехаюсь, хотя мне совершенно не весело. — Проходите.

Женщина неодобрительно на меня посмотрела, возможно, потому, что я перебила её. В её взгляде читалось привычное раздражение человека, которому приходится иметь дело с «проблемными» пациентами, — и от этого мне стало ещё неуютнее, будто я уже заранее в чём-то виновата.

С другой стороны, чего время на разъяснения тратить! И так всё более чем ясно. Богатенький дядя решил удостовериться в стерильности своей игрушки.

Впрочем, глупо обижаться.

Я же тоже раньше думала, что следственный изолятор — это рассадник клопов, тараканов и всякого рода инфекций. Но, как оказалось, моё представление было ошибочным.

Да, обшарпанные стены, чуть проржавевший кран и унитаз без сидухи, ещё и течёт постоянно. Но в камере, в которой я находилась, было сухо и чисто. Никакого затхлого запаха, и никакой плесени на стенах.

— Вшей искать будете? — приличные леди так не разговаривают с незнакомыми людьми, но опять же, я не хамлю, просто интересуюсь.

— Я всё буду делать! — а женщина с зубками. — И вшей искать, и на наличие половых инфекций проверю.

— Я не живу половой жизнью! — хмурюсь я. Что-то как-то резко неприятно стало. И как-то даже острить перехотелось. Внутри всё сжалось, и я невольно обхватила плечи руками, будто это могло защитить меня от этих грубых, бесцеремонных слов.

— Прекрасно. Тогда ещё и в попу залезу! — произнесла она абсолютно невозмутимо, подняв указательный палец вверх, натянула латексную перчатку и с громким хлопком зафиксировала резинку на запястье. Я дёрнулась от этого жеста, по телу пробежал озноб. Кажется, я вообще лишилась способности говорить. — Боже, да я пошутила! Чего так побледнела?!

Из раскрытой укладки женщина достаёт какие-то колбочки. Похоже, анализы какие-то всё же намерена у меня взять.

— Вы просто так серьёзно сказали, — уже не так уверенно говорю.

— Ты первая огрызаться начала!

— Ну да, — признаю, опускаясь на край кровати, — простите.

— Половой жизнью правда не живёшь?

— Правда! Марк... мой парень... бывший. Он не торопил меня. Мы после помолвки хотели...

Тут я немного лукавлю и, скорее по привычке, оправдываю Марка. На самом же деле он не просто поскорее хотел переступить черту; однажды он приехал ко мне после вечеринки. Я так и не поняла, что именно Марк отмечал с друзьями. Только он настолько был настойчивым тогда, что в какой-то момент мне показалось, он силой возьмёт то, что хочет. Тогда меня спас телефонный звонок. Мама тоже настойчивая, когда ей что-то нужно. Но сейчас я не хотела об этом думать — эти воспоминания были слишком тяжёлыми, слишком неприятными, и я старательно прятала их за привычными оправданиями.

— Я верю, но проверю. Уж прости, но Аскарлов точно не тот человек, с которым шутить можно!

И вот это уже если и слухи, то проверенные! Она же работает на Демида и поэтому знать должна наверняка, можно с ним шутить или нет.

Осмотр прошёл быстро. У меня взяли кровь из вены, но, как пояснила Майя Андреевна, не для проверки на половые инфекции, а для более обширной картины моего здоровья. В СИЗО действительно витаминами не кормят! Игла вошла почти безболезненно, но я всё равно зажмурилась, стараясь не смотреть на тонкую струйку тёмной крови, наполняющую пробирку, — будто если не видеть этого, то всё происходящее станет чуть менее реальным.

Времени было почти час ночи, когда в дверь снова постучали. На этот раз пришёл водитель, что и привёз меня сюда.

— Ты какого хрена не одета ещё?

— Вы не...

— Бегом давай! — оттого, как рявкнул этот худощавый индюк, я вздрогнула всем телом. — Через пять минут чтобы вышла ко мне сюда уже!

Со мной никогда в подобном тоне не разговаривали.

Сначала стало дико неприятно. Потом я успокоилась, оделась и даже в туалет успела сходить. В общем, я решила, что обращать внимание на быдлоподобных не стану. Поберегу собственные нервы! Но руки всё равно слегка дрожали, когда я застёгивала пуговицы, и я несколько раз глубоко вздохнула, чтобы унять эту дрожь — не из-за спешки, а из-за того, что этот крик прозвучал как окончательный приговор: моя прежняя жизнь закончилась, и теперь всё будет по чужим хотелкам.

До нужного нам места ехали мы около часа. Дороги вполне свободные, и на светофорах практически нигде не стояли. Мужчина с родинкой на щеке совершенно спокойно нарушал ПДД. Да и вообще, он был полностью уверен в своей безнаказанности и время от времени набирал просто немыслимую скорость.

«GARTER» — гласила светящаяся вывеска. Этот ночной клуб — одно из самых пафосных мест нашего города. Тут богатые мужчины развлекаются по-взрослому, и когда машина тормозит у главного входа, вся моя и без того напускная смелость вмиг куда-то улетучивается.

8 Глава

На входе довольно серьёзная охрана. Как только мы подошли к ней ближе, один из верзил передал по рации:

— Гордей привёз девушку!

— Пропустить только девушку, — слышался ответ через небольшую паузу, — Гордея к начальнику охраны!

Огромный мужчина сделал шаг в сторону, давая мне возможность пройти. Каждый шаг давался с огромным трудом. Страх сковывал движения, и я через силу заставляла себя двигаться вперёд.

Как только переступаю порог, тут же попадаю в просторное фойе. Светлые стены, огромные колонны, упирающиеся в высокий потолок, и очень много зеркал.

В мотеле зеркало было небольшое, я могла видеть только своё лицо, и сейчас, несмотря на то, что я в пальто, вижу, насколько сильно я похудела. Да уж. Чрезмерная худоба мне точно не к лицу! Собственное отражение казалось мне и вовсе чужим — будто передо мной стояла не я, а совершенно другая Дарина.

— Ты Дарина? — резко поворачиваю голову вправо. Из основного зала ко мне навстречу вышла длинноногая блондинка в очень коротком блестящем платье. Оно было буквально усыпано мелкими камешками и сейчас при ярком свете ослепляло меня.

— Да, я Дарина! — девушка посмотрела на меня оценивающе. Хмыкнув, немного скривила лицо и, кивнув в сторону, произнесла:

— За мной иди! — первые пару мгновений я растерялась. Мне понадобилось время, чтобы отмереть и всё же последовать за девушкой.

От общего зала она пошла куда-то в сторону. По узкому коридору мимо уборных и завела меня в небольшую комнату, похожую на гримёрку. Хотя, возможно, это она и была. Ещё одна дверь, находившаяся в этой комнате, точно вела в сторону танцпола. Слишком громкая музыка доносилась именно оттуда.

— Так, давай только быстро всё делаем, а то Демид не в настроении, — девушка говорила быстро, даже немного холодно. — Сейчас переоденешься, и я накрашу тебя. Так будет быстрее. Не стоит испытывать терпение Аскарова, он уже три раза про тебя спрашивал.

— Я же одета! — говорю негромко, словно боясь, что меня могут услышать. Я впервые в таком месте, и не могу сказать, что здесь мне нравится. Как-то крайне неудобно, и хочется поскорее уйти. Руки невольно потянулись к воротнику пальто, будто оно могло стать хоть какой-то защитой.

— Я вижу, но, как бы, одета ты не для этого места. Вот! — девушка кладёт передо мной очень симпатичное маленькое ярко-красное платье.

— Оно слишком короткое, — произношу, не отводя взгляда от наряда.

— И что? Ты хоть ростом не слишком высокая, но ноги зачётные, даже в джинсах хорошо смотришься.

— Как вас зовут?

— Только не на «вы», я умоляю. Не нужно строить из себя невинную овечку, окей? Ангелина меня зовут! — несмотря на резкость слов, девушка не была слишком грубой.

— Ангелина, я не привыкла к подобным вещам. Пожалуйста, давай что-нибудь найдём более закрытое, — не знаю почему, но мне кажется, блондинка не настроена враждебно. Хотя её тон и звучит немного высокомерно.

Она какое-то время буквально буравит меня взглядом.

— Ты очень красивая. Но всё же ты не из эскорта, верно?

— А почему я должна быть из эскорта? — последнее слово приходится из себя выжимать. Внутри всё дрожало от обиды и неловкости, но я старалась не опускать взгляд, чтобы Ангелина не увидела, как сильно меня задевают эти слова.

— Демид сказал, что ему девочку привезти должны, вот я и решила... Ладно, мышка, забей! — девушка словно смягчилась. Она вернулась к вешалкам с одеждой и какое-то время перебирала наряды.

— Так!.. Ты краситься умеешь?

— Да! — отвечаю довольно уверенно, хотя на самом деле не могу сказать, что я слишком хорошо умею краситься.

— Хорошо. Вот моя косметика, — девушка подвинула в мою сторону небольшую коробку. — Чужую не бери. А я сейчас вернусь!

Тональные кремы, пудры, яркие тени, помады — также довольно кричащие. Ничего из этого, конечно же, мне не подходит!

Я решила использовать только консилер. Небольшое его количество наношу на веки и под глаза. Им я скрываю синяки, появившиеся из-за недосыпа. Розовые румяна использую вместо теней, помаду не беру, обычный блеск на губы и тушь.

— Ух ты, — слышу за своей спиной. — Ты кто, кукла?

В гримёрку зашла практически раздетая девушка. Красивая брюнетка с очень длинными, чёрными как смоль волосами, собранными в конский хвост. На ней из одежды — не то топ, не то бюстгальтер из чёрного латекса и трусы, имитирующие шорты. Каблуки на высоченной платформе, завязки до самых колен. Скорее всего, девушка — танцовщица go-go.

— Я...

— Мадина, закончила? — я не знала, что ответить, и поэтому обрадовалась возвращению блондинки.

— Да, Ангелина, почти! Рогозин приват заказал.

— Рогозин? И ты пойдёшь?

— А у меня что, выбор есть? Это у тебя влиятельный любовник.

— Бывший любовник! — говоря это, девушка взглядом показывает на меня. — Мне нашли замену.

То, что я почувствовала в этот момент, невозможно описать словами. В груди всё словно оборвалось, и неприятное щекотание засвербило где-то в районе горла.

В голосе Ангелины я расслышала нотки горечи. Но вместе с этим она старалась сохранить некое достоинство, что ли? Чувствовалось, что девушка не желает показывать истинные эмоции.

Если я правильно поняла, эта блондинка являлась или же является любовницей Аскарова... И сейчас она меня готовит к встрече с ним? Серьёзно? Это вообще как понимать? Это вообще нормально?

Девушка по имени Мадина, выпучив свои тёмно-карие глаза, уставилась на меня.

— Ты из какого агентства? — задаёт вопрос мне, но за меня отвечает Ангелина.

— Похоже, что не из какого.

— Блин, Ангел, я не понимаю. Вы же с Демидом полгода вместе! И что, он вот так просто тебя кидает? — я не знала, куда себя деть. Девушки разговаривали между собой, словно меня тут и не было.

— Не совсем. Он купил мне квартиру и обещал отдых на Мальдивах оплатить. Машина тоже за мной остаётся.

— Ого. Не помню, чтобы он кому-то такие подарки делал.

— А он, вроде, и не делал! — пожав плечами, отвечает блондинка. — Вадимыч сказал, что я у Демида в любимицах, и я первая, кому Аскаров вообще что-либо подарит.

— Насколько я знаю, он всегда ограничивался щедрыми чаевыми.

— Ну да... Вот, Дарина, возьми! — уже обращаясь ко мне, Ангелина подала мне чёрное кружевное платье с пышной, но всё же короткой юбкой. — Другого точно ничего нет. Надевай.

Я отошла за ширму и стала снимать с себя вещи. Мне было крайне любопытно узнать, о чём говорили девушки. Они значительно понизили громкость, и я не могла разобрать слов; единственное, я поняла, что они продолжили тему Демида. Не скажу что не напрягала слух в попытке расслышать хоть что-нибудь, но мне не повезло. Очень мешала музыка доносящаяся из зала.

Несмотря на то, что и это платье было довольно коротким, мне нравилось то, как я в нём выгляжу. И девушкам тоже понравилось. Я поняла это по их взглядам, но ни одна из них мне ничего не сказала.

Большой проблемой стало найти подходящие по размеру туфли, но всё же в залежах обуви, оставленной другими девушками, мы нашли то, что подошло под мой образ.

Мне казалось, я успокоилась и уже не так боюсь встречи с Демидом. Вот только стоило нам подняться на второй этаж и подойти к нужной двери VIP-комнаты, как меня снова начала бить крупная дрожь.

Ангелина, занеся руку над дверью, коротко постучала, а после толкнула дверь и пропустила меня вперёд. В тот миг, когда створка распахнулась, время будто замерло, и я застыла на пороге, чувствуя, как мир за моею спиной рушится.

9 Глава

В ВИП-ке немного приглушён свет. Всё так же преодолевая собственное волнение впремешку со страхом, я захожу в комнату, где сидит Демид. Сейчас Аскарлов кажется мне ещё куда более огромным, чем тогда, в холле нашего вуза, где я со всего маху влетела в него.

Аскарлов не казался безобразным качком, но всё же видно, что телу своему он уделяет довольно много внимания. Проработанные мышцы отчётливо выделялись сквозь тонкую ткань атласной тёмно-синей рубашки.

Вальяжно откинувшись на спинку кожаного дивана, держа в правой руке тлеющую сигарету, Аскарлов смотрел...

Нет, не на меня!

— Ты как? — задал вопрос, глядя на Ангелину.

Она сейчас казалась мне немного зажатой. В глаза Демиду не смотрела. Всё время отводила взгляд куда-то в сторону, и вообще, мне казалось, что она вот-вот расплчется. Её плечи напряжены, а пальцы чуть подрагивают, будто она изо всех сил старалась удержать себя в руках, и от этого мне становилось ещё более неудобно.

— Я нормально, — отвечает тихо.

— Хорошо! — подавшись немного вперёд, мужчина затушил сигарету. — Иди, Ангелина.

Может, не такой уж этот Аскарлов плохой? Голос его не звучит мягко, но всё же некое сочувствие явно присутствует. Можно сделать такой вывод хотя бы потому, что он поинтересовался состоянием девушки.

За высокой блондинкой закрывается дверь, и я остаюсь один на один с человеком, которого до смерти боюсь. Тишина, наступившая после щелчка замка, становится почти осязаемой — она давит, отдаётся звоном в ушах.

— Так и будешь стоять на пороге?

— А можно? — тут же прикусываю кончик языка. Серьёзно, Дарина? Ты спросила, можно ли остаться стоять на пороге? Внутри всё сжалось от собственной нелепости. Чувствую как щёки заливают жар стыда. Вижу себя как испуганный ребёнок.

— Проходи, садись! — кивком указывает мне сесть на диванчик слева от него.

Я делаю несколько шагов вперёд. Тихонько опускаюсь на край дивана, руки кладу перед собой на колени.

Между нами около полутора метров расстояния, но я всё равно чувствую, как мощная энергетика мужчины давит на меня. Хочется увеличить расстояние между нами. Ещё метров пять хотя бы, а лучше пятнадцать, но такого расстояния даже сама комната не позволит, не то что диван.

Какое-то время Демид прожигает меня взглядом. Смотрит внимательно, словно пытается изучить каждую деталь. Я же, в свою очередь, прилагаю максимум усилий, чтобы не дрожать. Пальцы под столом сжимаю крепче, стараюсь глубоко дышать.

— Ты похудела! — едва не вздрагиваю от чуть низковатого баритона с хрипотцой. — На зоне действительно так плохо кормят? — сейчас не понимаю, что волнует меня больше: его вопрос или оценка моего веса. Где он рассмотреть меня успел? Может, я такой худой и была!

— Не знаю. Я пребывала в следственном изоляторе, не на зоне! — ответила не сразу. Дала себе несколько секунд на обдумывание. Несмотря на то, что Аскарлов задал мне вопрос спокойным голосом, в тоне его всё же слышалась некая издёвка. В груди всё сжималось от этой небрежной интонации, будто моя жизнь, мои страдания были для него не более чем забавной деталью в общей картине.

— Мне сказали, ты настоящий кремь! — с чем связан комплимент, мне более чем понятно, но всё же я уже решила, что оправдываться ни перед кем больше не буду. Воровка, значит, воровка!

— Да, знаете, редкий дар! Умею хранить секреты.

— Ух ты! — не могу разобрать, Аскарова забавляет сейчас всё это или же он пытается завязать со мной разговор. — Ладно. Мне даже интересно, как быстро расколется твой адвокат.

— Пусть попробует! — на удивление, ответить получилось достаточно иронично. Но внутри всё дрожало, и ирония эта была как тонкий щит — я надеялась, что он не заметит, как на самом деле сильно я боюсь, и как отчаянно цепляюсь за остатки гордости.

— Что-то не особо ты скромная, я смотрю! — внутри меня словно что-то обрывается. Ему явно не нравится то, как я разговариваю с ним. Он меня что, обратно... — Да не дёргайся! — снова усмешка, но на этот раз более широкая. — Может, оно и хорошо, что ты не совсем амёба! Но при посторонних гонор свой засовывай себе в задницу. Ты должна быть послушной.

— Хор...

— Не перебивай! — я вновь встrepенулась. Голос Демида острыми иглами проходит сквозь тело, ощутимо царапая душу. Я не привыкла к такому обращению. Даже самые громкие крики мамы не идут ни в какое сравнение с таким грозным приказом. Сердце забилося где-то в горле, и на секунду мне показалось, что я просто задохнусь от этой чужой, безжалостной власти, которая накрывает, не даёт ни вздохнуть, не пошевелиться.

— С завтрашнего дня у тебя тренировки в спортзале, массаж, и питание тебе скорректируют!

— Питание... — хотела сказать, что не нуждаюсь в этом. По большому счёту питаюсь я как раз-таки правильно. Но я осеклась, наткнувшись на острый взгляд Аскарова.

— Много болтаешь, Дарина! — делаю медленный вдох. Этот мужчина... он уже не столько пугает, сколько раздражает. — Волосы у тебя свои, я так понимаю, — ничего не отвечаю. Даже не реагирую. Между нами повисает пауза, во время которой Демид смотрит так, словно хочет разорвать меня на части. Кажется, я тоже его раздражаю. — Мне нравится твоя внешность. Губы сочные, глаза оленьи. Ростом, правда, для меня низковата, но это хрен с ним. Стилисты сменят причёску и перекрасят в блондинку! — шах и мат!

— Зачем? Я не хочу стричься. Пожалуйста! — быстро затараторила я. — Тем более не хочу быть блондинкой.

— Я твоего мнения не спрашивал! — Демид не повышает голос, но всё равно кажется, будто кричит.

— Я живой человек, а не вещь, — хочу сказать твёрдо, но голос предательски дрожит. Слова застревают в горле, и я чувствую, как на глаза наворачиваются слёзы. Делаю глубокие вдохи. Аскаров слёз моих не увидит.

— Ты никто. Пустое место! — слова хлесткой пощёчиной обжигают лицо. — С твоим отцом мы обо всём договорились. И раз ты сидишь передо мной, условия тобою приняты. Поэтому, будь добра, с этой самой минуты учись быть покладистой, иначе вернёшься туда, откуда я тебя вытащил.

В холодных глазах Демида плещутся сами черти. Его слово закон, и мне в самом деле лучше это усвоить.

10 Глава

Я никогда ещё не чувствовала себя настолько униженной.

Пустое место!

Никто!..

Вот так коротко и предельно ясно мне пояснили, кто я такая. Безумно сильно хотелось задать вопрос: разве я не заслужила уважение в статусе его будущей жены? Но решила всё же не задавать глупых вопросов. Такие люди, как Демид, уважают только лишь себе подобных, а я и близко до его статуса не дотягиваю. В груди всё сжималось от этой горькой правды, и я старательно прячу взгляд, чтобы Аскарлов не увидел, как сильно его слова меня ранят.

У меня вообще в какой-то момент возникло ощущение, что жениться на мне он не собирается.

Хотя, с другой стороны, Демид наверняка заплатил немало денег для того, чтобы меня выпустили, а значит, всё же я для чего-то ему нужна...

Больше Аскарлов со мной не разговаривал. Он вообще потерял ко мне всякий интерес. Я сидела в самом углу уже не дивана, а кресла, в котором, как я понимаю, при встречах ожидают своей очереди.

Вжавшись в мягкую обивку, стараясь стать и вовсе незаметной я молча наблюдала через панорамную прозрачную вставку за танцующими на танцполе людьми. Кажется, я даже парочку знакомых из института увидела.

А к Демиду присоединилось двое солидных мужчин примерно одного возраста с ним, и чуть позже — трое длинноногих красоток, одна из которых уселась рядом с Аскарловым.

Время шло, мужчины выпивали, девушки также пили шампанское, про меня же никто не вспоминал. Уже даже редких взглядов в мою сторону не было.

Не то чтобы это мне было нужно, вовсе нет! Так, наоборот, даже хорошо. Единственное, меня мучила жажда, и это причиняло некий дискомфорт. Спустя какое-то время сухость во рту стала и вовсе практически невыносимой, но я упрямо сжимала губы и не смела просить воды. Подобное мне кажется унижительным. Слишком инородно я себя чувствую в этом месте.

Время — третий час ночи, и, учитывая то, что на ужин, который был у меня ещё в колонии, я съела кусочек хлеба, запивая его препротивным чаем, то смотреть в сторону стола с различными закусками мне было противопоказано. Я просто боялась выдать себя голодным взглядом.

Прилично захмелевшие мужчины начали постепенно распускать руки к своим спутницам. Самое противное, что и Аскарлов не отставал. Не то чтобы он откровенно лапал девушку, но она хихикала, когда Демид, улыбаясь, что-то нашёптывал ей. Пару раз убрал волосы пышногрудой шатенки за ухо, она притворно смущалась. Это было настолько наиграно, так резко бросалось в глаза, что даже я взгляд свой отводила. Испанский стыд, что называется!

Прошло ещё около часа. У меня затекла спина и онемели ноги. Терпеть уже сил не было, я посмотрела на небольшую вешалку, на которой очень аккуратно висел дорожный пиджак. Он сто процентов принадлежал Аскарлову. Не только по запаху парфюма это поняла, но и по этикетке.

Дотянувшись я сняла пиджак с плечиков. Подогнув ноги, я села в более удобную для себя позу. Оголённые участки тела, которые платье не прикрывало, я прикрыла пиджаком.

Всё так же продолжая смотреть в веселящуюся толпу, которая под действием алкоголя танцевала уже куда более откровенно и развязно, я не заметила, как уснула.

Яркие лучи солнца неприятно щекотали закрытые веки. Открывать глаза совсем не хотелось: в уютной мягкой постели так сладко спалось...

Так. Стоп! А как я тут оказалась?

То, что я нахожусь в совершенно чужой комнате с мягкой кроватью, я поняла ещё когда моё сознание было достаточно сильно затуманено.

Открыв глаза, смотрю по сторонам. Светлые тона дорогущего полотна во всю стену, что-то связано с Вьетнамом. Незамысловатый узор придаёт этой спальне некую мягкость. Туалетный столик, овальное зеркало на нём, небольшое и наверняка удобное кресло в углу спальни, торшер над ним и маленький столик, на котором лежат несколько книг. Кровать не слишком большая, но двуспальная. И на ней удобный мягкий матрас. Кожаная обивка спинки кровати с рельефными пуговками смотрится просто потрясающе. На полу ворсистый белоснежный ковёр.

Господи, да тут летать, что ли? Комната просто сверкает чистотой.

Мама невероятно дотошная в плане чистоты, но даже у нас дома нет таких светлых комнат. Тем более настолько светлых ковров.

В спальне всего одна дверь. Почему-то я решила, будто бы она ведёт в ванную комнату, но я ошиблась. Это большая гардеробная. В ней висит моё пальто. И пуловер. Джинсы аккуратно положили на полку. Я же сама в длинной футболке, судя по запаху, это футболка Демида.

Интересно, он меня переодевал? Я совершенно ничего не помню! От этой мысли по коже пробежал лёгкий холодок: мысль о том, что кто-то касался меня, пока я была беззащитна, ненашутку пугала меня.

Босыми стопами утопаю в пушистом ковре, остаются смешные следы. Решаю не лишать себя удовольствия, несколько раз прохожусь по нему вдоль и поперёк. Потом опускаюсь на колени и рукой провожу по нежному бархату, ровняю ковёр обратно. Почему-то становится немного не по себе: а вдруг Аскарлов сейчас войдёт и увидит мои следы. Решит ещё, что я сумасшедшая!

Хотя с чего это меня должно парить то, что он подумает? Встаю на ноги и заново несколько раз прохожусь по ковру. После чего, удовлетворённая своей шкодой, иду искать ванную комнату. Утренний туалет никто не отменял!

Далеко идти мне не пришлось. Дверь почти напротив, немного вправо, и вот она — заветная ванная комната, совмещённая с душем. Насколько огромная, что тут можно танцевать.

На раковине — запечатанная зубная щётка, новый тюбик зубной пасты, также мочалка, рядом тапочки и халат.

Голову я мыла вчера, но почему-то сегодня тоже хочется! На полках есть всё необходимое. Несколько видов шампуней, выбираю себе бессульфатный. Семь баночек с гелями для душа, обнюхиваю все и выбираю самый вкусенький — апельсиновый!

Сам душ принимаю не слишком долго. Минут двадцать всего. Учитывая то, насколько я люблю воду, это очень мало! Но сегодня вода не дарила привычного уюта — напротив, каждая капля будто смывала с меня остатки уверенности, и я торопилась выйти, будто за пределами душевой кабины меня ждала новая, ещё более сложная роль.

Мама меня часто ругала за то, что ванну я принимаю не меньше полутора часов. Ну я не просто так лежу в ней, конечно же, я либо слушаю лекции, лёжа в воде, либо решаю какие-нибудь логические задачки. В общем, по сути — отдых в воде, но только отдых с пользой!

Для полного счастья не хватает моего увлажняющего крема. После геля для душа кожу немного стягивает, и это несколько раздражает.

Банный халат и мягкие тапки, вот ещё бы свежее нижнее бельё, а то без него что-то мне как-то не совсем комфортно.

Открываю дверь и, выходя из ванной комнаты, на мгновение застываю, потому как в моей спальне, ну точнее в той, в которой я провела ночь, открыта дверь. А я точно помню, что её закрывала.

— Доброе утро! Я пришла разбудить, а вы уже проснулись, — молодая женщина лет тридцати пяти предельно аккуратно заправляет постель. На полу, кресле и небольшом пуфе лежат коробки и пакеты. Проследив за моим взглядом, женщина пояснила: — Это всё для вас. Хозяин распорядился, чтобы всё подняли в вашу комнату после того, как вы проснётесь.

— Что это? — не то чтобы я не догадывалась, но решила всё же уточнить.

— Одежда, — говорит горничная, как само собой разумеющееся. — Её для вас Ангелина Борисовна лично выбирала, — так в груди почему-то неприятно укололо. Он свою любовницу ещё и одежду выбрать для меня попросил? Замечательно! — Я уже закончила с уборкой. Вы долго мылись!

Едва заметно наклоняю голову вбок, свожу брови на переносице. Разумеется, получается так не намеренно.

Это был упрёк или так, между прочим сказано? Впрочем, без разницы! Наверное, действительно лучше поскромнее быть. Не дома всё-таки!

— Я чуть позже разберу пакеты, когда вы позавтракаете. Он, кстати, через двадцать минут, не опаздывайте, иначе будете ждать обеда, — женщина, бросив на меня ничего не значащий взгляд, быстро ушла, оставив меня в недоумении.

Это что получается, в этом доме кормят строго по графику? А если я проголодаюсь раньше?

— Так, ладно! — произношу вслух и иду к пакетам. Я жутко голодная и пропускать приём пищи не намерена. К тому же потом опять с желудком мучиться буду.

Я никогда не одевалась на рынках. Даже одежду для дома брала фирменную. Удобную, практичную, из мягких тканей. Но то, что выбрала для меня Ангелина... может, и не стоит записывать её в конкурентки? Вещи просто потрясающие. Для соперниц такую шикарную одежду не выбирают.

— Соперницы, конкурентки! Что за мысли, Дарина? — бурчу под нос, мысленно давая себе подзатыльник.

Какая она мне соперница? Тем более конкурентка?

Для Демида Ангелина может быть кем угодно! Подруга, любовница, любимая женщина. Вот совершенно без разницы, кто она ему. Я же свой статус узнала ещё вчера... никто, пустое место. Эти слова снова кольнули, и я на секунду зажмурилась, словно это могло стереть из памяти тот ледяной взгляд Аскарова и его обидные для меня слова.

Нижнее бельё, даже такое дорогое, хотелось бы простирнуть перед тем, как надеть, но выбирать не приходится.

Я не перебирала все пакеты, но, кажется, домашних костюмов совсем нет, только платья.

Ну хорошо. Платье так платье.

Только и платья те на домашние не похожи. Нежно-голубое, с коротким рукавом, длиной чуть выше колен, без излишеств. Вот только, несмотря на то, что на нём ни страз, ни кружев не было, оно всё равно смотрелось дорого. К нему очень хорошо подойдёт элегантный пучок, но я и так провозилась с вещами, поэтому расчёсываю волосы мягкой массажкой, которую нашла в ящике туалетного столика, и, пригладив волосы, оставляю их распущенными.

Дом у Аскарова просто огромный. Я находилась на втором этаже, но лестница вела ещё и на третий.

Куда идти, понятия не имею, но по логике, кухня должна быть на первом этаже, и, на удивление, нахожу я её довольно быстро.

— Доброе утро! — негромко здороваюсь я и в следующее мгновение встречаюсь с дьявольски пугающими глазами Демида.

11 Глава

— Сразу предупреждаю, в этом доме есть правила, которым ты должна будешь следовать беспрекословно! Мне твои жалобы и нытьё до одного места. Так что бегать ко мне с соплями и ныть не нужно. Выполняешь все инструкции, на этом всё!

Это мне вместо здравствуйте, я так понимаю! Внутри всё неприятно сжимается, а на губах застывает горькая усмешка: вот он, мой «жених», без лишних сантиментов сразу берёт в оборот, будто я не человек, а деталь, которую нужно подогнать под нужный размер.

— Их будет так много? Правил, я имею в виду, — я не пытаюсь наладить отношения с Аскарковым. По большому счёту, мне вообще плевать! Но и держаться в таком напряжении мне совсем не хочется — Я пока плохо понимаю, какие цели преследует Демид. Единственное, надеюсь, что не самые ужасные. Может я покажусь наивной, но в груди всё же теплится слабая, почти стыдная надежда, что за всей этой жестокостью прячется хоть капля человечности, хоть намёк на то, что меня не собираются ломать в угоду чужим амбициям.

— Достаточно! И ты все их назубок должна будешь знать.

— Почему вы согласились помочь мне? — этот вопрос так и вертелся у меня на языке.

— Потому что твой отец попросил меня об этом, — я подошла к столу и села на стул, который был ровно напротив Аскаркова. Просто он здесь был единственным и именно с этой стороны был сервирован стол, как я поняла, для меня. Вот только почему то этот жест воспринимался мной больше как часть ритуала, нежели гостеприимством.

— Я вас серьёзно спрашиваю. Я ведь имею право знать, почему вы решили на мне жениться? Мой отец просил о помощи, но не о том, чтобы вы вели меня под венец, — голос мой звучит твёрдо, в то время когда внутренне я вот-вот рассыплюсь. Колени предательски дрожат и я рада, что не дожидаясь приглашения, имела наглость сесть, и сейчас Аскарков моей дрожи не видит.

— Ты довольно привлекательная, даже красивая, — через небольшую паузу Демид заговорил, глядя прямо в глаза. — Впервые я увидел тебя в клубе примерно месяца три назад и даже хотел взять тебя на пару ночей. В течение десяти минут мне предоставили информацию о тебе, и я понял, что ты сплошной геморрой и не стоит заморачиваться.

— Какая честь, — произношу негромко, разумеется, с сарказмом. Демид слышит, но игнорирует. Я же едва сдерживаю дрожь в пальцах, сплетаю их под столом, чтобы не выдать своей нервозности.

— Но, к счастью, у тебя есть масса других достоинств.

— Каких же?

— Ты воспитанная.

— То есть вы хотите на мне жениться из-за моего воспитания?

— И из-за твоего ума! — неожиданно подчёркивает мужчина, приподнимая один уголок губ. — Эрудированная, сдержанная. Умеешь поддержать разговор на любые темы. Тактичная, вежливая. Твоя мама прекрасная женщина, раз смогла воспитать такую дочь.

— Вы не можете знать то, какая я на самом деле.

— Неужели?!

— Мои родители часто наказывали меня за непослушание.

— Мы все не идеальны. И какая ты будешь в стенах этого дома, мне совершенно плевать! Хоть песни ори, хоть головой об стену бейся, задолбаешь — в другой дом переселю и дело с концом! А может, сразу тебя отправлю после нашей свадьбы куда-нибудь. Я пока не решил, — от этих слов по спине струится ледяной холод, и я невольно вжимаю голову в плечи.

— Как это? Муж с женой будут жить отдельно? — сама не знаю, для чего спросила это, да ещё на полном серьёзе, словно подобное меня очень волнует.

Вопрос срывается с губ быстрее чем я подумала. Непозволительная для меня роскошь, мама бы за подобное не постеснялась бы дать мне оплеуху.

— А ты решила, что нужна мне будешь как жена? — почему-то усмешка мужчины задевает меня за живое — она впивается в самое уязвимое место, и на секунду мне становится трудно дышать, будто кто-то ударил под дых, оставив меня без воздуха и без сил. — Ты для статуса и всё, — продолжает уже серьёзно. — В нужный момент появиться где надо. Разговор опять же поддержать. Ты моя визитная карточка в бизнесе, не более! Так что сразу спускайся с небес на землю и лишнего себе не придумывай.

Слушать это всё крайне неприятно. Внутри меня закипает злость, и, чувствуя это, я делаю медленные вдохи, пытаюсь успокоиться.

Казалось бы, не всё так плохо, и получается, по сути, брак фиктивный. У меня будет своя жизнь, пусть даже на определённых правилах. Вот только с другой стороны, я просто вещь! Получается, куда скажут, туда и идти должна. Говорить не то что хочу, а то, что нужно — Аскарору нужно! — мысль эта обжигает, и я стискиваю зубы, чтобы не выдать, как сильно она ранит, как больно осознавать, что моя свобода, мои желания, мои мечты для него — пустой звук, не стоящий даже мимолётного внимания.

— Я на вас как мужчину не претендую! Просто хочу более конкретно знать, что меня ждёт в браке с вами? — хотя я понимаю, что ничего хорошего. Только вслух мысли свои не озвучиваю.

— Я как-то не особо понимаю суть твоего вопроса, ну да и плевать!

Ну а кто бы сомневался?! — внутри поднимается горькая волна иронии, и я почти усмехаюсь, но вовремя останавливаю себя: любая эмоция здесь — слабость, а слабости он не прощает.

— О свадьбе мы объявим уже в эту субботу, — продолжает мужчина. — Сейчас ты пойдёшь, поговоришь с моим адвокатом, и давай без сюрпризов. Всё ему расскажи, как было на самом деле. Так будет быстрее. Нам нужно закрыть тему с твоей уголовкой раз и навсегда!

— Всё как на духу я уже рассказывала следователю. Но если нужно для вашего адвоката — повторю! — взгляд Демида я выдерживаю с огромным трудом — он давит, тяжёлый и холодный. А ещё каждое мгновение под этим взглядом стоит мне усилий, которых я раньше и не подозревала в себе.

— Ты, идиотка, отправишься обратно на зону. И поверь, тебя уже точно никто и ничто не спасёт! — я сдуваюсь, как мыльный пузырь. Пух, и всё. Я снова тряпка!

Сердце на секунду замирает, а потом начинает колотиться с бешеной скоростью. Кислород перестаёт проникать в лёгкие, и в носу щиплет.

— Я ничего не собираюсь скрывать от вашего адвоката.

— Вот и прекрасно! Не создавай мне проблем. Ты и так меня дико раздражаешь какого-то хрена. Хотя мне должно быть на тебя абсолютно похрен.

Последнее Аскарор будто бы сам себе сказал, а не мне. Демид, отставив чашку с кофе, встал из-за стола и ушёл, не говоря больше ни слова, и передо мной тут же поставили красивую тарелку с овсяной кашей.

— Я прошу прощения, но я не ем молочное.

— Боюсь, выбора у вас нет, госпожа. Вам нужно немного набрать вес. У вас меню, которому вы должны следовать. И если вы будете противиться, я буду вынуждена доложить господину...

— А если у меня аллергия на лактозу? — горничная вмиг растерялась. Взгляд метнулся в сторону, а следующее мгновение она посмотрела на меня даже с неким беспокойством.

— Аллергия? Я сейчас позвоню Нелли Семёновне.

— Кому?

— Нелли Семёновна — ваш диетолог. Она после обеда придёт заниматься с вами йогой. По средам и в воскресенье у вас занятия в спортзале. Массаж, кажется, ежедневно. Простите, у меня пока что предварительное расписание вашего дня. Более точное будет к вечеру.

— А почему оно вообще у вас?

— Я должна буду следить за тем, чтобы вы всё выполняли. Напоминать вам вовремя о процедурах. Кстати, вам следует поторо... — женщина осекается. — Раз у вас аллергия, может быть, я вам сварю овсяную кашу на воде? Думаю, это не страшно. А уже когда ваш диетолог появится, она всё скорректирует.

— Давайте овсянку на воде, — уж лучше так. Хотя я бы сейчас съела творожного сыра с огурчиком, с двумя огурчиками — или даже три! Я такая голодная...

Мысль о простой, привычной еде на секунду согревает, даёт иллюзию контроля, будто, выбрав кашу на воде, я всё-таки могу решать хоть что-то в своей жизни.

Но диетолог!

Ладно! Это вроде не смертельно. Не знаю, что ждёт меня дальше, но правильное питание я точно как-нибудь переживу.

12 Глава

— ...Мы уединились в зимнем саду и целовались. Без языка!..

— Вы уверены?

— Да, Леон Софронович. Я бы запомнила, если было бы иначе. Марк с Языком вообще целуется отвратительно.

— Хорошо, продолжайте!

— Марк стал распускать руки, снова полез мне под кофту, но я его пресекла. Мы снова едва не поругались, спасло то, что Марка позвала Каролина Родионовна. Он ушёл, я осталась сидеть на качели.

Я уже второй час по пятому кругу рассказываю адвокату Демида о каждом своём шаге, проведённом не только в день последнего визита в дом моего экс-жениха, но и о первых двух. У меня уже язык болит, ещё чуть, чуть и я буквально буду понимать значение фразы “язык отсох”.

В первый день, когда я познакомилась с его родителями, и во второй раз, когда родители Марка были в отъезде и он пригласил меня к себе в гости. Но там особо рассказывать было нечего, потому как мой, тогда ещё просто парень, пытался напоить меня, чтобы затащить в постель.

Удивительно, но почему-то только сейчас я понимаю, насколько мерзко он хотел поступить! Тогда же я лишь посмеялась и сказала, что пить не буду, потому как после алкоголя, употреблённого даже в самых небольших количествах, мне становится очень сильно плохо. Сейчас, вспоминая ту лёгкую усмешку, с которой я тогда всё воспринимала, мне вдруг становится не по себе. Я не видела угрозы, не чувствовала опасности, вообще воспринимала всё как долбаную шутку, а если так разобраться, ничего себе...

В общем, тогда мне, так сказать, удалось отвертеться, к тому же, на моё счастье, к Марку приехала его бабушка — проведать внука! Мы с ней, мило поболтав, пили чай на кухне, а потом Марк отвёз меня домой. Наедине сама с собой я не оставалась в тот вечер, впрочем, как и в первый раз моего пребывания в доме Минаевых.

А вот в тот злополучный день я как минимум трижды была одна.

— Сколько по времени вы просидели на качелях? Постарайтесь вспомнить максимально точно.

— Точно вряд ли скажу, но навскидку — минут пятнадцать. Может, чуть больше. Я зашла в чат и с девочками немного попереписывалась. Мы обсуждали прошедшую накануне вечеринку, я на неё не попала, девочки рассказывали о том, что там было.

— Переписка у вас сохранилась?

— Должна была, наверное, но я не уверена. Вообще в телефоне можно посмотреть.

— Не возражаете, если я лично просмотрю все сообщения в вашем мессенджере? — надо же, вежливый такой! Можно подумать, пока телефон находился в его руках, он его не просмотрел? Пароль на нём убрали ещё в полиции.

— Не возражаю, — сказала после небольшой паузы, но только потому, что задумалась ещё над тем, нет ли там какой-то личной переписки? Просто с девочками нас иногда заносит, и мы можем обсудить какие-то пикантные темы, вернее, они могут, я стараюсь обходить их стороной.

— А потом что, к вам вернулся Марк?

— Нет! Потом пришла горничная и позвала меня. Сказала, что Марк ждёт в гостиной. Кстати, расстояние от скамейки до гостиной я преодолевала в одиночестве.

— А почему Марк сам за вами не пришёл?

— Не знаю! — отвечаю, пожимая плечами.

— И, вернувшись, Марк отвёз вас домой?

— Да, но перед этим я сходила в уборную.

— Сумку вы зачем с собой брали? — вопрос задаёт в лоб.

— У меня были месячные. На второй день они достаточно обильные, и прокладку приходится менять достаточно часто.

Это первые минут тридцать мне было несколько неловко рассказывать Леону Софроновичу некоторые пикантные моменты своей биографии. Но очень скоро я поняла, что ему, как психологу, нужно рассказывать абсолютно всё! К тому же, как мне кажется, он насквозь меня видит. Каждую деталь подмечает во мне.

Начало нашего разговора было немного неловким, мне казалось, что сейчас начнётся очередной допрос, и я была словно ёжик. Безумно устала от всего этого, и мне хочется забиться в самый дальний угол и никогда больше к этой теме не возвращаться.

— Сколько раз вообще вы к этой сумке подходили? Как надолго оставляли её без призора?

— Вы намекаете на то, что кто-то мог подложить украшения в мою сумочку, пока меня не было?

— Для начала я хочу понять, что происходило там.

Повисает пауза, а после я замираю! Мужчина так же замечает во мне перемену, а тем временем в моей голове словно взрыв произошёл. Не слишком громкий, но влекущий за собой очень серьёзные последствия!

— А никто не мог в эту сумку мне ничего подложить. Вернее, ничего мне не подкладывали тогда.

— Объяснитесь.

— Сумка другая! — мужчина, прищурив глаза, внимательно смотрел на меня — под этим взглядом я невольно подалась вперёд, будто хотела убедить его не словами, а самой своей искренностью, показать, что я не лгу, что наконец-то вспомнила важную деталь, которая может всё изменить. — У меня две похожие сумки! — довольно сбивчиво начала тараторить я. — Мне очень понравилась сумка одного бренда, и девочки сложились и купили мне эту дорогую сумку. Родители мне подарили такую же, но не оригинал!

Последняя фраза несколько покорила меня. Просто пять моих подруг сложились по довольно приличной сумме, чтобы эту сумку купить мне по бешеной скидке. Знаю, что Катюха почти всю ночь сидела на каком-то форуме, чтобы эта скидка досталась именно ей. Иначе бы они не смогли её купить. А у моих родителей была возможность, но мама не считает нужным тратить на подобные вещи.

Нет, в целом я маму не осуждаю и с ней согласна. Но ведь можно же хотя бы иногда меня баловать? Временами мне обидно, и просто хочется быть лёгкой и безрассудной. Чай попить в гостиной, забравшись на диван с ногами. Над книжками сутулиться, волосы распущенными оставить и пойти в школу или университет, но я же леди! А та сумка, я в то время прямо очень ею загорелась и родителям все уши прожужжала, они в целом купили, но подделку, за весьма и весьма скромную сумму. Внутри поднимается тихая горечь: не из-за самой сумки, а из-за того, что даже в мелочах я всегда должна была соответствовать чьим-то ожиданиям, а не просто радоваться тому, что мне нравится.

— Я правильно вас понимаю, в день, когда пропали украшения, с вами была копия сумки от Тиффани?

— Наоборот. Браслет нашли в подделке. А со мной в тот день, когда пропали украшения, был оригинал. Я её вообще редко с собой куда беру, но, зная, какая семья у Марка... В общем, на Каролину Родионовну хотела произвести впечатление. Я, конечно, не из бедной семьи, но всё же слишком дорогие вещи на постоянной основе мы не можем себе позволить, — говоря это, я старалась звучать спокойно, но голос чуть дрожал: мне не хотелось, чтобы Леон подумал,

что я оправдываюсь, но и скрывать эту маленькую слабость — желание понравиться — тоже не хотелось.

— Мне нужно будет, чтобы твои подруги подтвердили то, что они дарили тебе эту сумку.

Я тянуть не стала. В наш общий чат, в котором не была уже давно, написала сообщение, но оно почему-то упорно не отправлялось — экран будто издевался надо мной: серая надпись «не доставлено» жгла глаза, и с каждой секундой нервы мои натягивались всё сильнее.

— Катюня, привет, — в конце концов я набрала номер лучшей подруги.

— Аллю, это кто? — время десять утра, а моя засоня спит.

— Звоню спросить, не умерла ли ты с голоду? — голос мой звучит максимально серьёзно.

Для Кати завтрак очень важен. Она ещё глаза не продрала, а уже голодная. Так-то Катюшка может весь день не есть, но завтрак должен быть у неё плотным и сытным. Я нередко, когда звонила ей, задавала именно этот вопрос, если слышала, что она ещё в постели.

— Дарина? — кажется, в голосе подруги неверие. — Даринка! — Катюха так громко закричала, что мне пришлось немного отодвинуть телефон от уха. И в этом её крике было столько искренней радости, столько облегчения, что на секунду весь окружающий кошмар отступил и я широко улыбнулась, обнажая свои ровные беленькие зубки и чуть выпирающие клыки. На них, кстати засмотрелся Адвокат аскарова.

— Господи, родная. Тебе дали мне позвонить? Или тебя выпустили? Что ты? Где ты, не молчи!

— Я не молчу. Ты мне рта не даёшь раскрыть! — всё ещё широко улыбаюсь, понимая, насколько счастлива меня слышать моя подруга. Своим родителям я ещё даже не звонила. Впрочем, телефон мне только что дал адвокат Демида.

— Рассказывай!

— Меня отпустили, но все подробности я тебе расскажу позже. Сейчас я звоню по делу.

— Что значит позже, Дарина? Я до позже не доживу!

— Пожалуйста, Катюш. Я звоню по важному делу.

— Поняла. Слушаю тебя!

— Я пишу в наш общий чат, но девочки не отвечают. И вообще, он чист. Вся переписка, которая была ранее, стёрта.

— Полинка внесла тебя в чёрный список.

— Что, почему?

— Ты что забыла, у неё отец мент.

— Начальник мужской колонии. Я знаю, но... — осекаюсь. Болезненный укол прошивает грудную клетку. Вот она, цена дружбы. Значит когда всё хорошо, я нужна, а если... Да уж. Кому нужны чужие проблемы!

— От меня все отвернулись, да?

— Может, и не все, родная, но боюсь, что многие, — Катя вздыхает. Ей непросто мне это говорить.

— Катя, скажи, что у тебя осталось переписка, где вы с девочками договариваетесь купить мне ту сумку от Тиффани, — не скажу что я быстро взяла себя в руки, голос мой всё же дрожит.

— Полина сказала, что отец в приказном порядке заставил её удалить не только все переписки касавшие тебя, но и фотографии совместные. В общем, он ей весь телефон перепрошил. Поля была админом группы, и сейчас там нет ничего.

Леон, сидевший на кухне рядом со мною, слышал наш с Катей разговор.

— Получается, Полина не пойдёт свидетелем. Она не подтвердит, что сумку вы мне покупали?! — то ли спрашиваю, то ли утверждаю. Сама понять не могу, потому что в голове каша. Мысли путаются, наслаиваются друг на друга, и ни одну не удаётся удержать дольше секунды. Ощущение что вновь земля под ногами качается.

— Точно нет, как и Оксана с Олесей. Я, кстати, их не просто поудаляла из контактов. Я во всех мессенджерах в чёрный список их внесла.

— Почему?

— Потому что с такими подругами и враги не нужны! Одна Женька только ни рыба ни мясо. То верю, что Дарина не могла украсть, то не верю, а в общем, я с ней тоже не общаюсь.

— А Ксюха с Леськой поверили?

— Не просто поверили. Эти сучки ещё и сплетни разнесли о тебе, представляешь? Якобы у Олеси что-то там пропадало после наших совместных вечеринок.

— Помнишь, на первом курсе она мне подарила брошь? Она очень жалела потом об этом, потому что брошка ей нравилась очень.

— Помню. Она при мне тебе её подарила, а потом сказала, что ничего подобного не было. Вот про неё она и рассказывала — стерва!

— Почему-то я так и подумала... — а ведь брошку я ей всё-таки вернула. Действительно, стерва.

— Скидка... — подсказывает мне Леон, и я его сразу понимаю.

— Кать. Помнишь, ты говорила, что сумку вы брали по бешеной скидке, и ты ещё всю ночь сидела мониторила чего-то там, чтобы эта скидка досталась именно вам. У тебя остался этот сайт, или возможно это как-то отследить, посмотреть можно где это было?

— Сайт я тебе могу назвать. Но я ведь со старого ноутбука делала заказ. Тот, который у меня в аэропорту украли. В телефоне у меня разве что пару скриншотов, я перешлю тебе. Но поможет ли? А почему ты за сумку вообще спросила? — поздно спохватилась подруга.

— Катюш, давай я тебе потом позвоню и всё-всё расскажу, хорошо?

— Когда позвонишь?

— Как только смогу, — как оказалось, у меня довольно плотный график, и сразу после встречи с адвокатом у меня будет полно дел.

— Боюсь, что с сумкой ничего не выйдет, Дарина! — всё так же строго произносит Леон. Он смотрит на меня, всё так же прожигая взглядом. Взгляд хищника, этот человек лишь своей энергетикой способен обнажить твою душу.

13 Глава

Прошло уже три дня. Вчера я позвонила папе, и мы немного поговорили. Оказывается, мама слегла с давлением, как только получила приглашение на помолвку.

Я очень сильно соскучилась и хочу их увидеть. Даже несмотря на слова мамы, что я больше ей не дочь!

Моя мама довольно вспыльчивая и на эмоциях может сказать нечто подобное. Даже оскорбить может довольно сильно, хотя и считает себя аристократкой.

Папа сказал, что они будут на вечере.

Благотворительный бал пройдет в довольно широком кругу, где будут присутствовать сплошные сливки общества. Самое парадоксальное, что родители Марка обязательно будут там присутствовать. Да и сам Марк, я думаю, тоже.

Я понимаю, новость о том, что меня заключили под стражу, разлетелась не только по университету. Почему-то уверена, помимо Минаевых, очень многие будут в курсе, и честно, я вообще не понимаю, как на людях покажусь?

Дрожь не отпускала, хотя я выпила уже две таблетки валерианы с пустырником, и даже дыхательную гимнастику сделала.

Стоя у огромного зеркала я не могла оторвать от себя взгляда. Серебристое платье в пол, усыпанное кристаллами, настолько безупречно подчеркивало мою фигуру, что я какое-то время сама не могла поверить в то, что это я.

Не слишком броский вечерний макияж лишь подчеркивал мою красоту, как и причёска — элегантный пучок, сделанный высококлассным специалистом.

Я сейчас выглядела совершенно иначе. Взрослее, дороже! Настоящая леди, без намёка на юный возраст.

Кажется, впервые мне действительно хотелось держать спину прямо. Нести себя как королева, потому что именно на неё я сейчас была похожа.

На ноги — роскошные туфли. Поверх платья — невероятно дорогой белоснежный полупшубок.

Демид ждал меня в гостиной. Он застёгивал «Ролекс» на своём запястье и, увидев меня, взгляда больше не отвёл. Смотрел внимательно, кажется, подмечая каждую деталь, при этом он продолжал застёгивать ремень на часах и поправлять манжеты.

Я знаю, что выгляжу более чем хорошо, но всё же скованность не позволяет расслабиться.

— Неплохо, — а вот Демид более чем уверен в себе и, кажется, будто вообще не волнуется. Положив руки в карманы брюк, он обходит меня кругом. А на его лице — нечто, похожее на ухмылку.

— Я смогу поговорить с родителями?

— О чем? — вопрос Демида вгоняет в ступор.

— Я не видела родителей два месяца. Пока я была...

— Ты там не была! — уверенный и жёсткий ответ, от которого я теряюсь. Непонимающе смотрю на Демида.

— Я про моё...

— Ты там не была! — повторяет ещё более настойчиво. — Я забрал тебя под утро, и ты приезжала только на разговоры со следователем.

— Что? Как это?

— Я забрал тебя из участка, и всё это время ты была под моим присмотром. То есть со мной! В этот период у нас с тобой активно развивались отношения.

— Но в это не поверят! — уверенно заявляю я.

— Почему?

— Насколько я знаю, Петр Петрович Минаев с особым пристрастием следил за тем, чтобы я была в стенах следственного изолятора. Меня ведь хотели изначально выпустить под подписку о невыезде, но он настоял, чтобы этого не происходило.

— Мало ли на чём он там настаивал. Минаев не видел лично, сидела ты там или нет. Да даже если бы и видел. Кто он?! По сравнению со мной — ничтожество! Его слова абсолютно ничего не значат, — от слов Демида мороз по коже. Я до жути боялась отца Марка. Он мне казался таким большим и важным человеком. Я слово боялась при нём сказать, а сейчас я понимаю. Аскарков прав. Минаев — мальчишка против Аскаркова, хотя и старше его на уйму лет.

— Боишься? — Демид вырывает меня из моих мыслей. Он словно в душу мне смотрит. Я на вопрос ничего не отвечаю. Мне стыдно вслух произнести свои опасения.

— Ты же невиновна! — отрицательно мотаю головой. — Вот и отлично. Что бы ни произошло, кто бы что ни говорил, ни пытался каким-либо образом тебя скомпрометировать — ты моя будущая жена. И соответствуй своему статусу.

Аскарков достал из кармана брюк небольшое, но довольно изящное колечко, и не спрашивая моего разрешения, просто надел мне его на безымянный палец.

— Ты поняла меня или разъяснить подробнее?

— Нет, я всё поняла.

Мне действительно больше объяснять ничего не нужно. Будущая жена Демида Аскаркова должна ходить исключительно с высоко поднятой головой. Её репутация безупречна, даже если это не так, я должна сделать всё, чтобы люди начали сомневаться в себе, но не во мне.

Во дворе огромного дома Аскаркова нас ждал Mercedes премиум-класса. Хромированный, чёрный, полностью тонированный.

Долгое время, на протяжении всего пути, на языке вертелся вопрос — а не бронированный ли, плюс ко всему, этот автомобиль? Даже не знаю, почему вдруг возник столь острый интерес.

Демид подал мне небольшую бутылочку минералки, сказал, что я выгляжу взволнованно, а это недопустимо! Я выпила немного воды, после чего сделала несколько глубоких вдохов.

Из автомобиля Демид вышел первым. Он обошёл машину сзади, водитель открыл для меня дверь, Аскарков подал руку, в которую я вложила свою ладонь. Рука мужчины такая огромная по сравнению с моей и такая горячая.

От соприкосновения наших рук вздрагиваю всем телом. Меня словно мощным разрядом тока прошло. Я на мгновение замерла. Внимательно посмотрела в глаза Демида. Тёмно-карие, практически чёрные — зачем-то отмечаю для себя. Ресницы густые, волевой подбородок и небольшая щетина.

Этот мужчина скоро станет моим мужем, а я в жизни его видела... сколько? Раз живём и несколько раз в журнале. Кажется, раза три в общей сложности, получается.

Я провела в доме Аскаркова четыре дня. За это время Демида я видела всего дважды. Он слишком поздно приходил домой, я уже спала в это время, утром, просыпаясь, чаще всего видела уже его удаляющуюся спину.

Шик-блеск-красота.

Так вот как, оказывается, проходят мероприятия в высших слоях общества. — Голливуд отдыхает!

Три стола с башнями из шампанского или что ещё в этих бокалах подают? Смотрятся невероятно эффектно, но я не понимаю, они потом не липкие? Как в руки их брать?

По центру самая высокая башня. Но в голове почему-то рисуется картина того, как кто-то из гостей случайно задевает всё это богатство и...

В зале уже полно гостей! Стоит нам пройти чуть дальше, как я уже ловлю первые любопытные взгляды. Демид, выпустив мою ладонь из своей, приобнимает меня за талию, немного сжимает...

— Я велел тебе расслабиться. Всё хорошо, Дарина. Улыбайся! — всё это Аскарков говорил мне с полуулыбкой, и со стороны смотрелось, будто он нашептывал мне что-то приятное. Я, в свою очередь, подняв на него взгляд, всё же сумела выдавить из себя улыбку. Кажется, даже вполне искреннюю.

— Я думаю, вряд ли у меня получится всем подряд улыбаться, — говорю тихо.

— Всем и необязательно! Улыбайся мне, этого будет достаточно.

Ничего не говорю, но сама себе обещаю попробовать. Слишком много разных мыслей в моей голове. Слишком сильно волнуюсь, хотя и стараюсь подавить в себе это чувство. Меня начинает трясти, делаю глубокий вдох, ещё один.

— На разговор с родителями не больше десяти минут. Потом снова приходишь ко мне! — хочется спросить, а что мешает ему самому прийти за мной, когда будет нужно? Вдруг он будет разговаривать с какими-нибудь серьёзными людьми, которых, здесь не так уж мало.

— Дарина, — от тихого маминого голоса щемит сердце. Поворачиваюсь к ней и вижу, как она смотрит на меня. А ещё она очень внимательно смотрит на Аскаркова.

— Мама! — я не выдерживаю, первая бросаюсь в объятия родительницы. Внутри меня целая буря эмоций, и я даже всхлипываю, но вовремя останавливаю себя. Плакать нельзя. Нельзя быть столь сентиментальной, тем более показывать это людям. Нужно держать себя в руках. — Я так рада тебя видеть!

— Как ты, дочка? — мама, спрашивает не строго, но и теплоты в голосе её нет. Неужели она по-прежнему зла на меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.